

Формула успеха

От редакции. Предлагаем нашим читателям фрагмент романа Александра Лозовского "www.eretic.ru, или Формула успеха". Герой — молодой одессит 60-70-х годов.

...Первый год — институт насыщенный, но больше развлечениями, чем учебой, — пролетел как миг. Судите сами: после лекций два раза в неделю были тренировки — у меня акробатика, у Семена баскетбол. Два раза мы ходили к его дяде Филе в столярную мастерскую на подработку. Нам там официально выписывали зарплату как подсобным рабочим. (Спустя десять лет это нам очень пригодилось.)

Инициатива подработки была, разумеется, моя, у Сени финансовых проблем пока не было. А мне дома просить денег на личную жизнь не хотелось. "Я девушка гордая", — одобрительно подкалывала меня мама, но явно гордилась моей самостоятельностью. Мы с ней вообще жили душа в душу...

Один-два раза в неделю Сеня убежал на свидание к своей подружке Лере, в которую был откровенно влюблен. Лера, довольно симпатичная девица, хотя, на мой взгляд, с чуть грузноватой фигурой, еще училась в десятом классе, но, по планам Сени, на следующий год должна была поступать к нам в институт. Сеня откровенно боялся, что кто-нибудь ее уведет, и уходил на свидание с Лерой под девизом: "Все на защиту социалистической собственности!". "Где моя берданка?" — спрашивал он каждый раз, и я знал, что сегодня вечером на его общество могу не рассчитывать.

Почти каждую неделю наша новая институтская компания собиралась у кого-нибудь на квартире — чаще у Жени, чьи родители работали на Севере. Это у нас называлось загулом. Компания сложилась изумительная, другого слова не подберу. Если я когда-нибудь по-настоящему осознал смысл заповеди "возлюби ближнего как самого себя", так именно тогда, в кругу нашей "бражки". "Бражка" — так мы небрежно себя называли. Нас было девять человек. Девять, пока в институт не поступила Лера.

Летом мы с Сеней были в колхозе на помидорах. И каждый вечер, когда мы по очереди присасывались к трехлитровой банке с мутной жидкостью, пахнувшей табаком, которая называлась почему-то натуральным виноградным вином, он жалобно пел, подражая Вергинскому: "Как Лера там? Кто ей целует пальцы?..". Но это не помешало ему вместе со мной

сходить налево и провести пару ночей с двумя бойкими девицами с другого факультета. На своем курсе мы предпочитали не шкодничать, возведя это в принцип...

Когда я съехидничал на тему "любви и верности в лирике Альтмана", он ответил не задумываясь:

— Это совсем другое дело, это секс, а там любовь. Лера такой человек... такой человек... Я и обнять-то ее не решаюсь, — неожиданно признался он и печально вздохнул.

Я был ошарашен.

— Ты ли это, Семен Григорьевич? Ущипните меня! И что будет дальше?

— Не знаю, — он вздохнул еще громче и еще печальнее. — Женюсь. А какой может быть выход?

Но вот начался новый учебный год, и все покатилося по заведенному порядку: лекции, тренировки, подработки у дяди Фили и традиционные загулы. Только в нашей "бражке" стало вместо девяти человек десять — Лера действительно, как и рассчитывал Семен, поступила к нам в институт. Напрасно он хлопотал, хлопал крыльями и ерошил в сомнениях свои буйные волосы — Лера очень легко и быстро вписалась в наш коллектив и уже через какой-то месяц расхаживала с нашими девочками по коридорам на переменах, как будто делала это всю жизнь.

— Правда, она подросла и похорошела? — спрашивал с гордостью собстенника Сеня. — Хотя она не в твоём вкусе. Ты у нас любишь блондинок.

Я охотно соглашался и с тем, и с другим. И с тем, что она действительно стала стройнее и изящнее. И с тем, что это не мой тип женщины. У Леры было оригинальное лицо — слегка выступающие скулы, сочные губы, карие широко расставленные глаза и чуть-чуть волнистые черные волосы. Но это действительно был не мой тип — меня больше привлекали блондинки а-ля Мэрилин Монро. И нет никаких разумных объяснений, почему исподволь и незаметно для себя я мучительно и безнадежно в нее влюбился. Это было какое-то наваждение. Нет, не наваждение. Примерно через месяц после начала учебного года я уже ясно сознавал, что это настоящая и очень сильная любовь.

* * *

Это действительно было самое настоящее наваждение. Я никогда не был слишком впечатлительным, а тем более экзальтированным. Но сейчас при одном ее появлении у меня пересыхало во рту, стучало в висках, и я чувствовал, что меняюсь в лице. Если поблизости оказывалось зеркало, я краем глаза косился на него, чтобы увидеть, не слишком ли явно по-

краснел. И почти всегда убеждался, что слишком, но справиться с собой не мог. Ничего не мог с этим поделать. Все силы уходило на то, чтобы никто не заметил моего дурацкого состояния. Я старался не подходить близко к Лере, хотя тянуло меня к ней как магнитом. Старался не смотреть на нее, но именно этого мне и хотелось больше всего на свете.

Когда собиралась наша "бражка", я, как локатор, вылавливал ее голос из общего хора беседы, а все остальное проходило как-то мимо меня. Все чаще случалось, что я отвечал невпопад или вообще не отвечал на вопрос. Тогда фразы "Юра, ты где?" или "Юра, что с тобой?" пугали меня до полу-смерти: догадаются, поймут... Пока мой тайный грех — а я, безусловно, считал позором увлечение девушкой своего ближайшего друга — сходил мне с рук. Пока никто, мне казалось, ничего не замечал. Но долго ли так могло продолжаться? Нужно было кончать с этой недостойной слабостью. Но как? Никаких признаков улучшения я не замечал. Вечером я ложился спать с одним предчувствием, которое выбивало из головы все другие мысли: завтра я ее увижу. Можете не сомневаться, мне было стыдно перед самим собой за это, как я мысленно называл свои охи и вздохи, истеричное слюнтяйство, но вот поделать я ничего не мог. В конце концов я решил: если хочу оставаться порядочным человеком, у меня есть только один выход — жесткие хирургические меры.

К тому же мне стало казаться, что и Лера почувствовала что-то неладное. Она прежде очень тепло и по-дружески ко мне относилась, выделяя меня из числа наших друзей. Еще бы, я знал ее школьницей и был ближайшим другом ее Семена. Но вот однажды я заметил в ее взгляде то ли вопрос, то ли сомнение. И открытость и теплота явно уступили место настороженности. Во всей этой неприглядной и очень тяжелой для меня истории Лерино презрительное отношение оказалось последней каплей. Она стала избегать меня, но — спасибо ей — старалась не привлекать внимания окружающих к постыдной ситуации.

Теперь я был обязан что-то менять не только из-за себя, но и для того чтобы не доставлять Лере лишних неприятностей и не ставить ее в ложное положение. А это значило, что я должен был прежде всего перестать появляться на наших сборищах.

Можете мне поверить, это было очень нелегко. Нелегко, потому что "бражка" стала важной частью моей жизни. Большая Женькина квартира по пятницам, где у каждого уже было любимое местечко, привычные две бутылки "Токая" или "Перлины степу", или "Хереса" на всех, частенько преферанс, к которому допускались и наши девочки, бесконечные не обя-

зывающие ни к чему разговоры — все это стало привычным и необходимым для меня. Но что делать — придется себя исключить.

Я наступил на горло собственной песне и перестал появляться на загулах. Один бог знает, чего мне это стоило. А чтобы объяснить ребятам этот странный поступок, записался в городскую команду КВН, которая репетировала по пятницам во Дворце студентов. Можете мне поверить, этой команде я был точно так же нужен, как и она мне. Когда я туда приходил (если не слонялся вокруг Женькиной квартиры, больше всего боясь попасться кому-то из ребят на глаза), то мрачно сидел в углу и бередил свои душевные раны.

Сеня встретил мою причуду с нескрываемым удивлением и решил, что кем-то там, в КВНе, я безнадежно увлекся. Этой идеей он поделился с остальными, выдав ее (обычное для Семена дело) за нечто достоверное, известное только ему одному. Шуточек от ребят на тему своих страданий я услышал немало, но меня это устраивало. Жаль, что Лера все-таки подозревала правду. А если у нее и были сомнения, то я сам их развеял однажды на перемене, проявив глупую и ничем не оправданную несдержанность.

Мы столкнулись с Лерой и Таней возле моей аудитории. Танечка — моя и Лерина любимая подружка — была доброй чуть полноватой девушкой с немного иксообразными ножками, какие часто встречаются у склонных к полноте женщин. Но ее улыбчивое, очень милое и очень доброе лицо заставляло забыть о любых недостатках фигуры. Танечка мягко и необидно стала пенять мне на то, что я их забросил. Я отшучивался, как мог. Тем более что в присутствии Леры меня опять, как обычно, стало бросать то в жар, то в холод.

— Семен говорит о тебе как о Стеньке Разине. Мол, ты "нас на бабу променял", — Танечка смотрела на меня с сочувствием. — А ты, Юрочка, даже с лица спал. Неужели всерьез зацепило?

— Глупо это все, — неожиданно и очень обидно для меня сказала Лера.

В ее голосе было столько неодобрения и даже презрения, что я потерял выдержку и как с цепи сорвался:

— Не всем быть умными. Такой я круглый идиот. Кто-кто, а ты бы уж помалкивала. И побереги свои советы для тех, кто их просит. А я постараюсь справиться сам.

Я резко повернулся и зашел в аудиторию. Следом за мной тут же вошла Танечка и стала извиняться за свою бестактность. Но я мало что слышал из ее извинений — в висках стучало так, что, казалось, жилы лопнут.

С того дня я стал обходить Леру десятой дорогой. С Сеней мы продол-

жали заниматься общими делами, работали у дяди Фили, иногда ходили вместе в кино. Я избегал с ним всяких разговоров о Лере, хотя порой, особенно после получки в мастерской, за традиционным стаканом вина он пытался завести беседу на эту тему. Обычно он начинал так: "Нет, она, конечно, очень хорошо ко мне относится, очень даже хорошо, но...". И я немедленно и довольно грубо его обрывал. Слушать это все было невыносимо. Но он объяснял мою нетерпимость тем, что между мной и Лерой пробежала кошка, и иногда самодовольно спрашивал меня: "Не пойму, чего вы с ней не поделили?". Самодовольно потому, что он думал — не поделили мы его, Семена. Я не возражал, такой вариант меня устраивал.

Так прошел месяц, за ним другой. Иногда мне казалось, что ситуация потихоньку рассасывается, а иногда заболевание возвращалось с новой силой. Для надежности я стал встречаться с Зинкой Селезневой. Мне, в сущности, было все равно, с кем встречаться. Но Зинка не скрывала, что благосклонна ко мне, а кроме того, она была в контрах с девочками из "бражки", которым не нравилось ее демонстративное легкомыслие. Зинка бравировала своими современными взглядами и современной манерой выражаться. Выражаться в прямом смысле, то есть крепко. Меня это лекарство от романтизма вполне устраивало, но в разумных пределах. Дело в том, что Зинка не скрывала желания затащить меня в постель. Это вполне отвечало ее современным взглядам и сулило наслаждение. Почему бы и нет, если взрослые люди встречаются и нравятся друг другу? Теоретически я был с ней полностью согласен. Но... Все то же "но"... Я искренне завидовал Сене, который мог, как вы помните, разделить любовь и секс. У меня это не получалось. Я не только жалобно вздыхал по Лере, я хотел ее всеми печенками, так хотел, что не мог думать ни о ком другом. Печальная история. Просто напасть какая-то...

Время шло, ничего не менялось, ситуация грозила стать застарелой хронической. И очень жалко было, что контакты с "бражкой" могут разорваться навсегда.

Как я впоследствии узнал, на одном из загулов этот вопрос серьезно обсуждался, и было решено принять меры. Лера, к моему удивлению, сама предложила воспользоваться ее днем рождения и пригласить меня.

— Одного, — добавила она, — без этой Зинки.

Раз она, Лера, меня обидела, то и пригласить пострадавшего нужно от ее имени. В этом ее долг. Так примерно это выглядело. Все поддержали благородное предложение и уполномочили решительного и уверенного в себе Женьку быть парламентом.

Я, как мог, барахтался, ссылался на КВН и даже на простуду, чуть ли не справку от врача не совал настырному Женьке, но меня подкупило, что Лера сама протянула мне руку дружбы. Я знал, как тяжело будет вновь увидеть ее и притворяться равнодушным. Но слаб человек, и я согласился.

День рождения Леры — до сих пор помню — был 23 октября, в пятницу. К семи часам вечера я плелся к ее квартире, еле передвигая ноги, как кролик, наносящий дружеский визит удаву. Дурные предчувствия владели мною. Да, собственно говоря, чего я мог ожидать хорошего? Все равно ходить с "бражкой" я бы сейчас не смог — может, когда-нибудь попозже, когда все уляжется... Не такой я благородный, чтобы даже ради дружбы позволить ежедневно поджаривать себя на сковороде ревности. Я не переставал удивляться: откуда у столь уравновешенного человека, каким я казался себе и окружающим, эдакий неожиданный пыл? Наверно, я не до конца себя знаю...

А интересно, мать Леры сегодня дома или опять в командировке? — подумал я, входя во двор.

Был я у Леры всего два раза, но маму ее никогда не видел. Раиса Марковна работала контролером в облпотребсоюзе. Должность хлебная, но приходилось часто ездить в командировки, а так как они жили с дочкой вдвоем, то Лера регулярно оставалась дома одна на хозяйстве и с детских лет была серьезной и самостоятельной.

Все это я в свое время узнал, разумеется, от словоохотливого Семена. Заканчивал разговоры о Лериной семье он стандартным рефреном: "Хорошая жена кому-то достанется!". И хитро подмигивал при этом — мол, мы-то знаем, кому она достанется.

Думал я по дороге о многом, но только у входа в парадную вспомнил о необходимом: в своих сомнениях и колебаниях я забыл купить подарок имениннице. Даже с какой-то радостью я повернул назад и не торопясь направился к центру города в поисках открытого магазина. Я был доволен, что тяжелый визит можно отложить еще на некоторое время.

Когда с бутылкой шампанского и с тремя цветочками в руках я снова подходил к Лериной парадной, было уже часов восемь. Открыл дверь все тот же вездесущий Женья, "бражка" почти в полном составе приветствовала меня одобрительным гулом и различными вариантами сентенции о возвращении блудного сына.

Магнитофон в углу наигрывал какой-то блюз, в другом углу стоял стол с выпивкой, закуской и недавно появившейся в продаже одноразовой посудой (только бокалы были стеклянными). На наших загулах был

в ходу фуршет, а к бумажным тарелкам нас приучил все тот же Женька, не желавший по пятницам мыть за нами посуду.

По громким голосам и блестящим глазам ребят я понял, что состоялся уже не один заход к фуршетному столу. Леры в комнате не было, и я перевел дух. Семен не отреагировал на мое появление, он стоял возле стола и мелкими глотками тянул из бокала что-то светлое. Судя по напряженному выражению лица, отнюдь не вино, а кое-что покрепче. Я достаточно знал своего друга, чтобы понять по состоянию шевелюры и наклону носа — он на радостях уже неплохо поддал.

Но необходимо было соблюдать приличия. И я спросил:

— А где виновница торжества?

— На кухне, — кто-то махнул рукой в сторону открытой двери, отобрал у меня бутылку и подтолкнул в спину. Я поплелся с цветами на кухню.

Лера стояла возле плиты и переворачивала что-то скворчащее на сковороде. Она раскраснелась, волосы выбивались из-под завязанной небрежно косынки. Яркий фартук обтягивал ладную фигурку — смотреть на нее было больно. Каким-то охрипшим и шершавым голосом я проскрипел:

— Поздравляю с днем рождения, желаю быть счастливой и... всегда такой же красивой.

Я привычно протянул ей цветы, привычно потянулся к щечке, чтобы изобразить ритуальный дружеский поцелуй, и... неожиданно для себя встретил мягкие и горячие губы. Губы прижались к моим, я почувствовал поцелуй — не случайный, а настоящий горячий поцелуй. Лерины руки обхватили мою голову, и поцелуй затянулся надолго. Очень надолго. Рядом послышался тихий смешок, — я скосил глаза и только сейчас заметил улыбающуюся Танечку. Я почувствовал, что рот мой тоже раздвинулся в улыбке, какой-то дурацкой улыбке.

— Да, — сказала Лера, и еще раз поцеловала меня.

— Как? — все так же глупо улыбаясь, спросил я. — Как это?

— Да, — повторила Лера, — хватит нам обоим мучиться.

— Обоим?

— Да, — в третий раз подтвердила Лера.

И мы опять поцеловались.

Я не буду подробно описывать свое состояние в тот вечер, это все равно невозможно. Наверняка получится какая-то патока, а мне бы этого не хотелось. Скажу одно: ради таких минут стоит родиться на свет божий, даже в том случае, если больше никогда ничего подобного вас в жизни не ожидает!..

Но о каких-то важных вещах, которые тогда произошли, рассказать нужно, иначе не все будет понятно.

И прежде всего вот о чем. В голливудских фильмах мы часто слышим по любому поводу: "Я люблю тебя!" — "И я люблю тебя!". Это, наверно, в американских традициях. У нас этого нет, наши люди, особенно молодые, во всяком случае, раньше, такими словами дорожили и по пустякам ими не разбрасывались. Но мы с Лерой с первой минуты не употребляли слова "нравишься", "хорошо отношусь" и тому подобные. Нет, с самого начала и до самого конца у нас было только одно объяснение наших отношений: "Я тебя люблю". Только одно слово определяло наши чувства — любовь. С самого начала мы были уверены в том, что это настоящая любовь, та, что дается человеку, может, один раз в жизни, и может, не каждому человеку...

Там же на кухне, пока мы целовались, Таня подсуетилась и ополоснула три бокала, налила нам всем коньяк — им на доньшке, а мне целых пол-фужера.

— Штрафная, — объяснила она такую приличную дозу. — И на счастье. Я поднял бокал.

— Будь, Лерочка, всегда здоровой и всегда счастливой. Я люблю тебя. Так приятно было наконец-то вслух это сказать, что я повторил:

— Я люблю тебя!

— И я тебя, — сказала Лера.

— Как в кино, — засмеялась Танечка.

Мы выпили, и, едва выдохнув, я озабоченно сказал:

— А как же Семен?

Таня постучала сначала по спинке стула, потом мне по лбу и сказала со вздохом:

— Сколько соломы у тебя в голове, можно только удивляться.

И вышла из кухни. Я взял бутылку с коньяком, плеснул Лере в бокал, а себе недогнувшей рукой налил опять штрафных полбокала.

— Я действительно круглый дурак. И очень тебе благодарен. Если бы не ты, я бы мучился до... до конца своих дней, — и я залпом выпил весь коньяк. Лера заулыбалась — и вдруг резко нахмурилась.

— Я бы ничего и не сказала, если бы не Зина. Зинку я перенести не смогла. Ты почему улыбаешься, как... — она не нашла подходящего сравнения, — как майская роза? Запомни, Зинку я тебе никогда не прощу.

Я чувствовал, что глупая улыбка расплзлась еще шире по лицу.

— Ее не за что прощать. Это она тебя должна простить.

— Меня? За что?

— За то, что я из-за тебя ее в упор не видел, — и я придвинулся к ней поближе.

— Все, пошли к ребятам, неудобно, — она выскользнула из угла.

Я не спрашивал ее о Семене, хотя мне очень этого хотелось. И не только в этот вечер. Никогда не спрашивал — эта тема была табу. Я чувствовал, что Лера мне была очень благодарна за это.

Когда мы вошли в гостиную, там был притушен свет и гости уже перешли от выпивки с закуской к танцам. Только Семен стоял на том же месте у стола и, кажется, в той же позе, в какой я его оставил, уходя на кухню. В руке по-прежнему был бокал с белой жидкостью. Только волосы еще больше торчали дыбом, а нос еще круче был направлен в бокал. Я решительно подошел к нему.

— Слушай, Сеня, — начал я.

Семен посмотрел на меня мутным взглядом и сказал:

— Оставь, Юрка. Я все знаю, — он выпедил бокал до дна и продолжил: — Я с самого начала знал, что так будет. Она не любила меня как муж... муж... — это слово ему не давалось, — как мужчину. Не по Сеньке шапка — ха-ха, — он остался верен себе и пытался острить. — Но я не думал, что это окажешься ты.

— Послушай...

— Юрка, не трогай меня сегодня, ладно? — он так на меня посмотрел, что я, ни слова не говоря, отошел в угол и уселся в кресло. Там я сидел тихо и тоже тянул из бокала коньяк до тех пор, пока Семен не испарился — незаметно, по-английски, не прощаясь.

Остаток вечера я помню смутно. Помню, что мы с Лерой все время танцевали. Все уже давно поняли, что сегодня произошло, но, по-моему, единственным человеком, которого это событие по-настоящему удивило, был я. Я сообразил, что зря так старался. Шило в мешке утаить, очевидно, не удалось...

Когда именины закончились, я ушел вместе со всеми. Но, пройдя квартала три, завернул за угол и задами и огородами, как старый партизан, вернулся к Лериному подъезду. Мы с ней ни о чем не договаривались, но стоило мне подойти к ее двери, как она открылась. Лера была в плаще.

— Пошли!

Мы с ней гуляли до рассвета, потом еще, наверно, целый час стояли в парадной и целовались. Когда она собралась наконец уходить, я неожиданно сообразил: — Постой, а где твоя мама?

— Дошло наконец, — засмеялась Лера. — Она в командировке.

Потом она чмокнула меня в нос и исчезла за дверью.
Какие же мы были глупые! И какие счастливые!

* * *

Если справедливо общепринятое сравнение нашей жизни с зеброй, то тот год я без всякого преувеличения могу назвать своей самой ярко-белой полосой.

Я не считал и не считаю себя неудачником. Обычный нормальный человек, может быть, с непростой и не очень гладкой судьбой. Но чистых и светлых полос в моей жизни было не так уж много. А у кого их было много? Пусть поднимут руку!

Мы с Лерой оказались очень хорошей парой, прежде всего потому, что любили друг друга. Но одной любви в жизни бывает мало, и многие испытали это на своем примере. Были еще не менее важные причины, объясняющие, почему нам всегда было хорошо. Мы могли вместе подолгу молчать, и молчание нас не тяготило. Когда на кого-то из нас нападала охота говорить, второй всегда его с удовольствием слушал, а это, согласитесь, очень редко встречается. Могли говорить оба сразу, не ругаясь и не скандаля, — уникальная способность. Могли заниматься каждый своим делом, не обращая друг на друга внимания, и без всяких обид. Но с одним существенным условием: мы должны были все время находиться в зоне досягаемости, поблизости друг от друга. У меня и сейчас на полке стоит "Солярис" Станислава Лема. Это мой амулет. Слово "Солярис" было нашим паролем. Мы открыто признавали, что подобно героине романа физически не можем находиться далеко друг от друга. Меня иной раз будущее просто пугало — куда это может нас завести?

Солома в моей в голове, как метко назвала Танечка тяжелые последствия воспитания в духе социалистического идеализма, пыталась испортить непрерывный праздник, но до поры до времени это не удавалось. Я поначалу какое-то время усиленно терзался раскаянием из-за Семена, но Лера на корню пресекла эти попытки. Она со мной и с Сеней не церемонилась:

— Он знал, что я его не люблю. Если бы все оставалось так, как раньше, то было бы хуже всем. Не только нам с тобой, но и ему тоже. Я бы все равно послала его к чертям.

— Куда, куда?

— К чертям! Прошу тебя, перестань дурью маяться. Так случилось, и все к лучшему. Может, ты с этим не согласен? Может, ты хотел чего-то другого?

Такое предположение требовало немедленных поцелуев, и тема была исчерпана. Лера могла быть решительной. На слабохарактерную жертву долга она не была похожа.

Женщины вообще разумнее и проще смотрят на многое. Чего больше в этом — реализма или жесткости, — я не знаю. Скорее всего, одного без другого и быть не может. Только сейчас я начал это осознавать, а тогда упорно считал, что счастливый человек обязательно должен ощущать свою вину перед всем человечеством.

В моих отношениях с Семеном совершенно естественно возникло напряжение. А как могло быть иначе? Мы по-прежнему вместе работали у дяди Фили в мастерской, но на этом, пожалуй, общение и заканчивалось. Первое время Семен пытался как ни в чем не бывало приходить к Жене по пятницам, но ребята очень усердно демонстрировали, что ничего не произошло, и выдержать это было невозможно. Семен не выдержал и исчез.

Я попытался намекнуть Лере, что, по совести говоря, это нам, истинным виновникам торжества, следовало бы уступить место на загулах пострадавшему. Лера ответила, что моя страсть к самобичеванию доходит до идиотизма. Она так и сказала — до идиотизма. Я понял, что пора остановиться. И оставил все как есть, предоставив времени лечить раны.

Семен сделал все от него зависящее, чтобы не выглядеть пострадавшим. Уже месяц спустя он появился у Жени с очень симпатичной первокурсницей. Его победительный вид говорил, что он опять бодр и весел, и на коне.

— Ну что я тебе говорила, — шепнула мне Лера. — "Самое главное в профессии святого — вовремя смыться!"

Она отлично знала все поговорки и выкрутасы Семена. Но и я знал его не хуже. Я видел его глаза и не удивился, услышав, что новую подружку зовут Зиной. Это мы уже проходили.

...Я уже говорил, что настоящее счастье — это подарок судьбы. В моем случае именно так и было. Я не завоевывал Леру, не совершал никаких подвигов, не покорял вершин, не брел через пустыни. Мало того, я сделал все, чтобы счастье мне не досталось. В этом смысле — и только в этом — я сражался отчаянно и до последнего. Судьбе пришлось постараться изо всех сил, но она не оплошала. Она подарила мне человека, который, с моей точки зрения, состоял только из достоинств. Я не видел в Лере ни малейшего недостатка, за исключением того, что она не была похожа на Мэрилин Монро. И сейчас, когда прошло столько лет, я по-прежнему считаю, что недостатков у нее не было. Во всяком случае, для меня.

Лерочка была очень женственна и приветлива. Если по нашим разговорам о Сене вам почудилась в ней легкая стервозность, то уверяю вас — ничего похожего. Просто за ее отзывчивостью и добротой чувствовались самостоятельность и характер. Она была, как говорят, вещью в себе. Мне это страшно нравилось, впрочем, как и все остальное. Когда мы с ней были вместе где-нибудь вне дома (а мы всегда вне дома были вместе), то гордость за нее просто распирала меня. Я вслух посмеивался над собой, вспоминал самодовольный вид Семена в аналогичных случаях и говорил, что это заразное. Лера против такой инфекции не возражала.

Я побаивался, что мое восхищение может надоест, набить оскомину, и не скрывал своих опасений. "Кашу маслом не испортишь", — отвечала она, и я чувствовал, что это правда. Она прямо-таки расцветала в лучах моей любви. Все говорили, что за последние полгода Лера очень похорошела. А я — я временами чувствовал себя Пигмалионом. В моей квартире на Карла Маркса, 4, мы бывали только в качестве гостей, эпизодически. Еще бы — своей комнаты у меня не было, спал я в маленькой детской, которая так до сих пор и называлась, отделенный большим трехстворчатым шкафом. Где уж тут принимать гостей. И хотя мама в Лере души не чаяла, но бытие определяет сознание. Базой нашей была Лерина квартира. Там мы проводили большую часть свободного времени. И со всей неизбежностью встал вопрос денег. Холодильник у них всегда был забит продуктами, Раиса Марковна к своим обязанностям относилась с большой ответственностью. Но не мог же я питаться за их счет, самолюбие не позволяло. И видели бы вы, с какой гордостью я отдавал заработанные у дяди Фили гроши Лере "на расходы", и с какой важностью она их у меня брала. Вот я пытаюсь сейчас иронизировать по этому поводу, а сквозь смех наворачиваются невидимые слезы. На этот раз слезы умиления.

А судьба, начав одаривать, не могла остановиться на полдороге и продолжала рассыпать щедроты, как из рога изобилия.

Мама Лерочки Раиса Марковна была женщиной строгой и сдержанной. Всегда в костюмах мужского покроя, в тонких очках, которые издали смахивали на пенсне, она напоминала мне революционерку-народоволку. Я ее откровенно побаивался, и когда она была дома, мы с Лерой предпочитали обниматься в парадной. Раиса Марковна, правда, добросовестно предлагала нам зайти и "не торчать в подъезде, как беспризорные", но вы понимаете, такая форма приглашения у меня восторга не вызвала. Зато все эти недостатки с лихвой окупали ее командировки и частые поездки на отдых.

Каждую неделю она отсутствовала два-три дня, проверяя отделения претребкооперации на Юге Украины. Кроме того, каждые два месяца она на недельку уезжала в Москву к своему близкому другу, который у нас проходил под кличкой "жених". Это был чиновник высокого ранга, который жил с престарелой мамашей в большущей квартире (мы с Лерой гостили у них на каникулах) и который настойчиво предлагал Раисе Марковне руку, сердце и прописку в Москве. Несмотря на суровую внешность и преклонный возраст (она тогда была на два года моложе, чем я сейчас!), у Раисы Марковны было много друзей, в том числе и мужского пола. Она определенно пользовалась успехом. Мне кажется, что в то время наши интересы совпадали. Раиса Марковна была довольна, что ее Лерочка проводит время не одна, а с человеком серьезным и надежным, каким я не только казался, но и был в действительности. А то, что "дети" могли зайти слишком далеко, насколько я теперь понимаю, ее не очень беспокоило. Она, насколько я теперь понимаю, считала это нормальным, смотрела на эти вещи разумно и здраво, без демагогии. И сама она всегда поступала разумно и здраво.

Но Раиса Марковна допустила одну серьезную ошибку. Она посчитала нужным (я теперь в этом не сомневаюсь — только приличия ради) провести со мной наедине доверительную беседу. Сказала, что видит, как сильно Лерочка привязана ко мне, и уверена, что я как человек серьезный понимаю, какая ответственность на мне лежит. Бедной женщине и в голову не пришло, что этот идиот — я себя имею в виду — настолько серьезно воспримет ее банальные речи. А я сдуру решил, что это ультиматум, призывающий жениться или прекратить наши отношения.

Беседа состоялась очень вовремя — или очень не вовремя, смотря как взглянуть. Мы действительно по-настоящему любили друг друга, и темпераментом бог нас не обидел. И условия у нас были для тех времен просто изумительные. Кто мог похвастаться возможностью хозяйничать почти бесконтрольно в отдельной двухкомнатной квартире? Словом, любовные наши отношения очень бурно приближались к естественному логическому концу. Точнее, к апофеозу.

Этот самый апофеоз был неизбежен. Наши попытки пойти поперек природы человеческой ничего хорошего принести не могли. Особенно страдала от нашей воздержанности Лера, но, к сожалению, я этого не понимал. Ласки без необходимого финала, в конце концов, стали наносить вред ее здоровью. У нее появились головные боли, расстроился сон. Я как мужчина мог достичь разрядки и другим путем. Лере без нормального секса это не удавалось. Я думаю, она сознавала, в чем причина ее проблем,

но мне об этом говорить стеснялась. А я в этих вопросах был настоящим бесчувственным дубом.

Литературу о сексе я не читал, признаюсь в этом с запоздалым сожалением. Мне казалось это чем-то извращенным — все равно что сознаться в собственной слабости, настоящий мужчина не может себе этого позволить. Правда, в те годы взгляды молодежи стали довольно резко меняться, но я оставался косным моралистом и отчасти даже ханжой. Тогда у меня впервые появилась отличная возможность задуматься, почему все, что считалось моральным, как правило, пользы "порядочному человеку" не приносило, зато вреда — сколько угодно. Это мне напоминало отношение к еде: все, что вкусно, вредно, а все, что полезно, удовольствия не доставляет. Действительно так устроен человек — или мы все это придумываем? Но нет, такие мысли тогда мне в голову не приходили.

Летом, в начале июля, Раиса Марковна отбыла на месяц в Москву к "женуху". В тот же день мы решили отметить это событие. Июль выдался жаркий. Даже ночью не становилось прохладнее, и это снижало сопротивляемость соблазнам. Любая, самая тонкая одежда была невыносима. Могу признаться, что нам предлог в этом смысле был уже не нужен, мы проблему одежды давно решили... В честь отбытия мамы в столицу мы распили бутылку "Алиготе". Словом, не буду затягивать эротические описания, не это моя цель, — случилось то, что... не должно было случиться, если бы вместо прописных истин во мне обнаружили хоть проблески здравого смысла.

Где-то посреди ночи Лера, в конце концов, не выдержала этой пытки любовью, она прижалась ко мне и буквально застонала:

— Юрочка, родненький, милый... Я больше так не могу. Давай, Юрочка... Юрочка!

И как поступил этот безмозглый дурак? Как в плохом советском романе. Я вспомнил о своей ответственности, о долге и черт знает еще о чем. Я собрал последние остатки сил и буквально отодрал Леру от себя. Ситуация была нелепой до ужаса: Лера продолжала цепляться за меня, не отпустила шею, обхватила меня ногами. Словом, когда в этой схватке добродетель победила, нам обоим было что вспомнить. Женщины должны понять: такое ни забыть, ни простить нельзя.

Даже я, добродетельный осел, почувствовал, что совершил нечто непоправимое. И все-таки нашел в этот момент способ еще усилить обиду. Я потянул сбившуюся в углу кровати простыню и накрыл ею Леру до подбородка. Этим я дал ей возможность взглянуть на свой вид внезапно протрезвевшими глазами.

По ее щекам заструились слезы. Я наконец понял, что натворил, и испугался отчаянно.

После этого часа два, не останавливаясь, я голосом, вызывавшим у меня самого отвращение, толковал о своей ответственности, о том, что пожениться мы не можем, что ей восемнадцать лет, а мне всего девятнадцать... Что у нас нет ни денег, ни жилья... Что мы должны хорошенько проверить себя... Мне и сейчас не по себе от этих воспоминаний. Как глупо все это звучало! Что я нес! Никто мне руки не предлагал и жить в их квартире не приглашал. Не об этом шла речь, и не в этом было дело. Действительно, если бог захочет наказать, то отнимет прежде разум...

Лера сказала только одно:

— Больно. Что-то во мне оборвалось.

Больше в эту ночь мне от нее не удалось услышать ни слова.

Я вернулся домой напуганный до предела. Земля уходила у меня из-под ног. Я просто не представлял себе, как смогу обходиться без Леры, если что-нибудь... В конце концов я мысленно прикрикнул на себя: "Мужик ты или баба?! Распустил сопли!".

Представьте себе, я по-прежнему был убежден, что поступил как положено. Порядочность должна даваться с болью и потерями, иначе это никакая не порядочность, а один только камуфляж...

Остаток ночи я проворочался за шкафом на своей спартанской койке, и наконец, под утро нашел, как мне казалось, достойный и мужественный выход. Я понимал, что загнал нас с Лерой в тупик: продолжать обниматься как ни в чем не бывало мы больше не сможем, а на повторение вчерашнего в обозримом будущем я могу не рассчитывать.

Утром я еле дождался девяти часов и пришел к Лере. Она встретила меня спокойно, чересчур спокойно. Позволила себя поцеловать, но на поцелуй не ответила. Я сразу перешел к делу. Я сказал, что хочу уехать послезавтра с нашим стройотрядом на целину на полтора месяца. Мы проверим себя, — ведь до сих пор мы не расставались ни на день. Я подзаработаю денег, а по возвращении, если она не отвергнет моей руки и сердца (я так красиво и выразился: "руки и сердца")... Но Лера не дала мне закончить фразу:

— Там видно будет. А я съезжу к маме в Москву.

— Ты так решила?

— Да, так будет лучше.

...Через день я уехал со стройотрядом. Я регулярно звонил Лере домой, но никто трубку не поднимал. Признаюсь, меня все-таки пугало мое

предложение руки и сердца, правда, не до конца прозвучавшее. И эти опасения помогли относительно легко перенести разлуку. Я думал, будет тяжелее...

А по возвращении я узнал, что Лера перевелась в Московский инженерно-строительный институт и переехала жить в Москву. Целых две недели я бодро напевал некогда популярную песенку о том, что "милая покинула меня":

Весел я, теперь смеяться можно,
Весел я, мне стала жизнь дороже.
Я вечерами снова с друзьями,
Некуда спешить мне больше.
Честное слово, счастья такого
Мне бы как можно дольше.
Весел я...

А на третью неделю впал в ужасную депрессию. Я даже не представлял себе, что может быть так больно. Наверное, полгода с раннего утра я ждал — не мог дожидаться, когда наступит вечер и можно будет улечься в кровать, чтобы сон принес успокоение. Я не преувеличиваю ни на гран.

Но в Москву не поехал — и проситься не стал. Я знал Лерин характер и знал, что если она не сообщила мне ни слова — значит, это конец. Мучить и унижать ее и себя не было смысла.

Так светлая полоса почти без перехода превратилась в черную.

...Говорят, что человек — творец своего счастья. Или кузнец своего счастья. По-моему, ни то, ни другое не верно. Отковать счастье нельзя. В наших силах при настойчивости и желании добиться успеха, славы, денег, даже удачи. Но не счастья. Счастье — это подарок судьбы. Я в этом уверен. Но зато вполне в силах человека этот дар судьбы разрушить. Что мы слишком часто и с большим успехом делаем.

